

АЛЕКСАНДР
ИВАНЧЕНКО

ТАМ,
ЗА ГОРИЗОНТОМ...

Александр Семенович Иванченко

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ...

М., «Советский писатель», 1986, 512 стр.

План выпуска 1986 г. № 55

Редактор *В. М. Стригин*

Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*

Техн. редактор *Г. В. Белькова*

Корректоры *Н. П. Задорнова* и *М. Б. Шварц*

ИБ № 5531

Сдано в набор 20.06.85. Подписано к печати 05.12.85. А06555. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 37,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1979. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград. П-136, Чкаловский пр., 15

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

ПОВЕСТИ СТУДЕНОГО ЮГА

Трубка пирата	9
Десятый выстрел	46
Рыцари Золотого Круга	72
Голубой зшафот	125
Вместо послесловия к «Повестям студеного юга»	188
«Мелькают дни...» (Эпилог к повестям)	191

ПУТЯМИ ВЕЛИКОГО РОССИЯНИНА. Роман

Часть первая. Талисман Анди	195
Часть вторая. Пламя джунглей	335
Часть третья. Неумирающий оран рус	405
Часть четвертая. В Австралии	472
Словарь морских терминов и названий, использованных в книге	503

АЛЕКСАНДР
ИВАНЧЕНКО

**ТАМ,
ЗА ГОРИЗОНТОМ...**

ПОВЕСТИ, РОМАН

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник Игорь Смирнов

Иванченко А.

И23 Там, за горизонтом...: Повести, роман.— М.: Сов. писатель. 1986.— 512 с.

В новую книгу писателя Александра Иванченко, в недавнем прошлом профессионального моряка, вошли уже знакомые читателю четыре остросюжетные морские повести: «Трубка пирата», «Десятый выстрел», «Рыцари Золотого Круга», «Голубой эшафот», а также впервые публикуемый роман-исследование «Пути великого россиянина», авторская работа над которым продолжалась свыше двадцати лет. В нашей литературе это произведение наиболее полно раскрывает притягательный образ всемирно известного ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая.

Роман тесно связан с сегодняшним днем.

И $\frac{4702010200-437}{083(02)-86}$ 55—86

ББК 84.Р7

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

ОТ АВТОРА

Возможно, читатель будет удивлен, почему том, который он держит в руках, объединяет под одной общей обложкой, по сути, две книги, совершенно различные по тематике и как будто не имеющие между собой никакой связи. Считаю поэтому необходимым сразу пояснить: обе книги — общий итог моих многолетних странствий по свету и потому для меня, автора, они нераздельны. Почти все, что описано в них, происходило там, за горизонтом, в дальнем далеке...

Теперь немного о каждой из двух книг в отдельности.

Хотя название первой из них начинается словом «повести», литературный жанр оно, в своем классическом смысле, не определяет. Трудно вообще сказать, какой здесь жанр. О подобных книгах обычно говорят, что они написаны «на основе подлинных событий». Но тогда большинство авторов отдают все же предпочтение художественному вымыслу: меняют место действия, имена героев и т. д. Так удобнее. По крайней мере, никто не упрекнет, что ты погрешил против истины.

Однако как быть, если реальное место действия — единственное в своем роде, а подлинные герои под вымышленными именами многое теряют? Есть, к примеру, только один в мире остров, который находится в Субантарктике и принадлежит одной семье — семье Дэвисов, чье появление в этих краях обусловлено тем, что они, Дэвисы, потомки известного английского пирата.

Строгая документальность отнимает право на писательское воображение, чистая беллетристика лишает рассказ преимуществ достоверности. Смешивать же одно с другим не позволяют законы жанра.

Да, но почему не позволяют, если читателю от этого наверняка будет только интереснее?

Мне кажется, авторская вольность в данном случае оправдана. Во всех четырех повестях книги, если их можно так назвать, я ничего не менял, но вместе с тем не находил нужным и сдерживать свое воображение, тем более что оно — не плод одной лишь фантазии.

Побывав на Маркизских островах, я легко мог представить себе, какие приключения пережил там Джон Дэвис («Трубка пирата»). Опыт китобоя и знание норвежского промыслового флота помогли зримо увидеть судьбу Микала Мартинсена («Десятый выстрел»). Работа на спасательном судне международного класса и близкое знакомство с американским

торгово-пассажирским флотом, а также участие в расследовании нескольких крупнейших морских катастроф дали возможность воссоздать обстоятельства и картину гибели лайнера «Белая птица» («Голубой эшафот»). Что же касается встречи с английским китопромышленником Салвесеном и рассказа о его друге Шеклтоне («Рыцари Золотого Круга»), то они читателю, очевидно, будут ясны сами по себе.

Другое дело вторая книга этого тома — роман «Путями великого россиянина». О ней нужно сказать несколько подробнее.

Легендарным Миклухо-Маклаем я увлекся давно, еще младшим школьником. И с тех пор страстно мечтал пройти по маршрутам его былых путешествий. Сначала был зов романтики, неумемная детская жажда приключений, потом... С годами — увь! — не успокоился. Напротив, стремление повторить путь Маклая превратилось в главную, глубоко волновавшую меня цель жизни, которая теперь, правда, диктовалась уже не романтикой, а добровольно взятым на себя долгом.

Изучая Маклаениану, я все чаще с удивлением обнаруживал для себя, что почти все его литературные и научные биографии, а их немало, построены на пересказе его новогвинейских дневников, иными словами — на совсем коротком периоде жизни, — в общей сложности на Новой Гвинее он пробыл чуть больше трех лет. А остальная жизнь, детство, юность? Как прошли, например, его студенческие годы в Германии, где он, собственно, сформировался как личность? Почему он, ученик одного из основоположников теоретического расизма Эрнста Геккеля, который имел на него большое влияние и принимал по-отцовски трогательное участие в его судьбе, в конечном счете стал непримиримым антирасистом, сохранив, однако, признательность и чувство благодарности к учителю? Что дали ему встречи с английскими дарвинистами, если известно, что самый видный из них по тому времени, Томас Гексли, был близким другом и единомышленником Геккеля? Почему он, с детства воспитанный атеистом, после первой своей поездки в Лондон вдруг принялся серьезно изучать Библию?

Можно было догадываться, что знание Библии понадобилось ему для ее критики или каких-то отдельных ее положений. Но где, в каких его трудах или публичных выступлениях есть такая критика? Ни в пятитомном собрании сочинений ученого, ни в связанных с ним архивных материалах ничего подобного я не находил. А Эрнст Геккель в одном из своих писем Томасу Гексли писал:

«Поездка в Лондон прибавила нашему Николю (так Геккель называл молодого Маклая. — *А. И.*) новых забот. Сейчас он весь погружен в Библию, изучает Ветхий и Новый заветы с упорством поразительным».

С какой целью? Ведь без определенной цели он никогда ничего не делал.

Почему он, писавший матери: «Я начал свои занятия в Гейдельберге и хочу их здесь кончить», потом вдруг сменил Гейдельберг на Лейпциг, а затем Лейпциг на Иену? Обычное присущее молодости непостоянство? Вряд ли, на него это непохоже.

Кто был тем человеком в Германии, который оказал на него более сильное влияние, чем Геккель, подвигнув его на ревизию расизма?

Как он жил и чем занимался в Нидерландской Ост-Индии, Сингапуре, Австралии?

Почему наши недруги на Западе, и особенно в Соединенных Штатах Америки, применяя разного рода пропагандистские трюки, так упорно пытаются оторгнуть его от России, приписав право на его наследие неведомо кому, если понятно, что его учение им вовсе не на руку?

Наконец, какова его родословная и откуда появилась такая странная для русского человека фамилия — Миклухо-Маклай, если сначала он был просто Миклуха?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Кроме того, я знал, что все еще не найдено большинство его писем, газетно-журнальных интервью, многие публицистические статьи и заметки на злободневные темы, а также стенограммы публичных лекций и докладов, прочитанных в зарубежных странах. В сокращенном изложении, а часто и полностью, они обычно публиковались в местной печати, но вырезок из газет и журналов он почему-то не собирал, хранил у себя только краткие, с трудом поддающиеся расшифровке тезисы лекций и сообщений, да и то лишь те из них, которые имели, с его точки зрения, значение для науки. Между тем, как писал хорошо его знавший немецкий этнограф и антрополог Отто Финш, в оценке собственных трудов он нередко ошибался, относя порой к чисто злободневным такие мысли и факты, которые преходящими не являлись.

Далее. Выступал он перед публикой, как правило, без бумажек, поэтому стенографические записи, сделанные для печати по ходу лекции, и ее тезисы, написанные им самим, существенно разнились.

Где искать эти стенограммы, интервью, статьи, заметки, письма? Разумеется, там, где бывал Маклай и где после него остались какие-то следы. Стало быть, начинать нужно с путешествия по маршрутам его былых странствий.

В 1962 году я отправился в путь, и, пока мои дороги совпали с дорогами Маклая, прошло почти семь лет. Как мне удалось это путешествие, здесь говорить не к месту, важно только, что оно удалось и материал в результате я собрал огромный, большей частью у нас в стране совершенно неизвестный.

Затем потянулись долгие годы изучения эпохи Маклая и его окружения в России, Европе, иных странах мира, а также антропологии, этнографии, сравнительной анатомии, морской биологии, зоологии и других наук, которыми занимался ученый. Пришлось штудировать и некоторые иностранные языки, в том числе древнюю латынь. Иначе разобраться во всем накопленном и с полным пониманием прочитать его сложные и для своего времени всегда остросоциально направленные труды было невозможно.

Поэтому работа над этой книгой продолжалась двадцать с лишним лет. Я задался, может быть, чересчур смелой, но, хочу надеяться, не слишком самонадеянной целью вернуть Маклая Отечеству, чтобы у нас перестали наконец представлять его просто отважным путешественником. В действительности это была фигура куда более значительная, и вклад в нашу общенациональную культуру он внес великий. К сожалению, до сих пор по достоинству не оцененный.

Как моя работа выполнена, судить не мне. Конечно, я не семи пядей во лбу и от каких-то просчетов не застрахован. Но трудился я, во всяком случае, добросовестно.

В заключение специально для миклуховедов должен сказать, чтобы они не рассматривали эту книгу как некий академический трактат. Нет, это именно роман, хотя и документальный, но все же роман, то есть произведение, не исключаяющее логический творческий домысел. Я старался, чтобы Маклай предстал перед читателем живым, полнокровным, и потому уже его образ воссоздан не только с помощью документов, но и моего воображения. Таким я своего героя увидел, анализируя его жизнь, деятельность, труды и те легенды, которые бытуют о нем сегодня.

С другой стороны, цитируя многочисленные документы, я одновременно заботился о том, чтобы облегчить их прочтение неспециалистами, для чего некоторые из них нарочно переводил на более популярный язык, чем в первоисточниках. При этом опять-таки в ущерб академичности, но, как мне кажется, в интересах широкого читателя несколько общих по теме документов иногда объединялись в один либо наоборот. Есть также документы, которые составлялись мною из отдельных отрывочных фраз и высказываний, если сделать это позволяла логика и возникала такая нужда.

Короче говоря, и работа с документами была творческой, что, однако, не лишает их принципиальной достоверности.

И еще одно. За семь лет путешествий по следам Миклухо-Маклая я собрал столько всего, что вместить все в одну книгу невозможно. Поэтому из многих не вошедших в нее, но ценных материалов читатель найдет в ней лишь краткие заключительные выводы, документальное подтверждение которых целиком остается за автором.

Март 1984 г.

ПОВЕСТИ СТУДЕНОГО ЮГА

ПОВЕСТИ

В истории народов одна человеческая жизнь — мгновение, но нет жизни, в которой не отразилась бы эпоха, и нет судьбы, которая не стала бы зеркалом других судеб.

А. И.

ТРУБКА ПИРАТА

В пятницу, 21 марта 1592 года, у атлантического выхода из Магелланова пролива пиратская бригантина «Блэк дэз» («Черная смерть») атаковала «Инфанту» — четырехмачтовый галеон, шедший с перуанским золотом в Испанию. Этому событию, имевшему свои последствия в истории географических открытий, предшествовало романтическое начало.

В январе того же 1592 года капитан бригантины, известный среди пиратов как Джереми Дэвис (настоящее имя — Джон Фредерик Дэвис), напав в Карибском море на французское судно, захватил в плен юную путешественницу — графиню Терезу де Бурже. Сорокадвухлетний пират предложил француженке руку и сердце. Брак с графиней для него не являлся чем-то сверхъестественным. Джереми был сыном родовитого дворянина — владельца обширного поместья, крупной судоверфи и фабрики по изготовлению парусины.

Двадцати одного года от роду, закончив Ливерпульские мореходные классы, Дэвис взял одну из отцовских бригантин, нарек ее грозным именем и предпочел государственной службе судьбу вольного морского разбойника. За измену королю и пиратские нападения на отечественные корабли суд Англии заочно пригово-

рил его к смертной казни. Но привести приговор в исполнение было не так просто. Бесстрашный смертник гулял по морям-океанам. Он был знаменитым пиратом и по-прежнему оставался английским аристократом, о чем у него имелось свидетельство с королевской печатью. Джереми и предъявил его юной графине, дабы та не подумала, что на ее руку претендует обыкновенный разбойник.

Тереза де Бурже была, однако, не из тех, на кого дворянский титул мог произвести впечатление. Сохранились дневники графини, из которых видно, как происходило сватовство и как вела себя при этом пленная француженка.

«...Я содрогалась от ужаса, ожидая, как мне казалось, неизбежного. Варварский наряд и поведение людей с бригаантины, чьи грубые, небритые лица были синими от неумеренного употребления рома, не оставляли никаких сомнений. Нисколько не смущаясь присутствием на корабле дамы, хотя бы и пленницы, эти люди позволяли себе работать или празднично сидеть на палубе обнаженными до пояса. Приличные шляпы я видела на очень немногих. Все другие украшали головы красными повязками, напоминавшими косынки парижских мясников.

Неделю я провела в уединенной каюте, возле которой неотступно несли службу охранников два пирата. Мне подавали обильную пищу, требуя отведать каждого кушанья, и дважды на дню приказывали одеваться для прогулки. В те часы, когда я стояла на палубе, с радостью и тревогой вдыхая морской воздух и тоскуя по свободе, ко мне подходил Джереми. На его вопрос о моем здоровье, заданный с неизменной приветственной улыбкой, чаще я не отвечала. Не сказав ничего иного, он уходил, поигрывая резной индейской палочкой, которую всегда имел при себе. Я же оставалась в недоумении и еще большей тревоге. Вопреки всем страданиям уже тогда что-то будило во мне к нему симпатию. Его высокие из ярко-желтого сафьяна ботфорты мне казались ужасно безвкусными, но сказать подобное о камзоле я не могла. Шитый золотом голубой испанский бархат безупречно облегал фигуру и хорошо сочетался с цветом глаз.

На восьмой день Джереми сделал мне предложение, предъявив королевское свидетельство о своем дворянском происхождении, на которое я не обратила внимания, не придав ему значения. Растерянности у меня не было — в ту минуту я была полна решимости сопротивляться. Но скоро успокоилась. Предложение Джереми открыло мне, зачем понадобилась ему эта неделя невыносимого для меня заточения. Он имел намерение дать мне время осознать свое положение, чтобы затем без труда получить мое согласие.

Вспышка гнева только обнажила бы мою подчиненность обстоятельствам. Сдержав чувство справедливого возмущения, я изобразила на своем лице удивление, сказав небрежно: «Благодарю вас, капитан. Если весть о вашем предложении дойдет до Парижа, граф Франсуа де Бурже будет польщен». Мною владело желание

показать свое бесстрашие. Только так я могла добиться у этих людей уважения и права на независимые поступки в дальнейшем.

Да простит меня Господь Бог, не видя никакой возможности уйти от судьбы, я с тайной пылкостью готовила себя к необычному...»

Скрытая за холодной внешностью пылкая натура Терезы де Бурже жаждала острых ощущений. В то же время графине была не чужда и практичность. Понимая, что ей, став женой пирата, придется порвать всякую связь с родительским домом и тем самым потерять возможность получить приданое, она желала, прежде чем пойти под венец, обеспечить свое будущее. Джереми обещал все устроить. Ему как раз сообщили, что из перуанского порта Кальяо вышел галеон с золотом. «Блэк дэз» без промедления двинулась ему навстречу, к Магелланову проливу.

Испанские галеоны были особо прочными труднопотопляемыми кораблями, которые строились специально для перевозки ценностей. На них устанавливалась мощная артиллерия и плавали отборные, прекрасно вооруженные команды. Тридцатидвухпушечная бригантина с полсотней пиратов шла против громадины, имевшей восемьдесят четыре пушки и почти двести аркебуз.

Джереми привык побеждать. Теперь же, когда этого требовали интересы его женитьбы, он стремился к победе вдвойне. Призрак богатой добычи увлек за капитаном всех пиратов. Недостаток в силе им восполняла отвага.

Вот уже в борт галеона вцепились абордажные крючья, завязался жаркий рукопашный бой, и тут... Редко отступавшие пираты были вынуждены обратиться в бегство. Благо они вовремя заметили, как из пролива вышли еще три испанских корабля — бриг и два фрегата. Это был запоздавший эскорт галеона, о существовании которого пираты не подозревали.

Фрегаты пустились в погоню за бригантиной. Она мчалась на восток, куда дул попутный ветер. Испанцы не отставали. От быстроходного пиратского корабля они держались всего в двух-трех милях. При свете полной луны им хорошо было видно бригантину даже ночью.

На второй день утром впередсмотрящий на фок-мачте «Блэк дэз» неожиданно крикнул:

— Земля!

Прямо по курсу показался неизвестный берег. До него было миль восемь. Над морской гладью отчетливо вырисовывались высокие мрачные утесы, изрезанные многочисленными бухтами. На подступах к ним повсюду из воды торчали камни.

Бригантина попала в ловушку. Поворачивать на север или на юг, в обход неожиданной земли, не было смысла. В бою с галеоном «Блэк дэз» получила тяжелые повреждения, и в бейдевинде испанцы легко бы ее настигли. Пиратам оставалось либо выброситься на неизвестный берег, если камни позволят к нему подойти, либо

сдаться на милость преследователей, которые, судя по всему, решили расправиться с ними любой ценой.

Кормчий бригантины правил к берегу. Еще пять миль, четыре... Вдруг заполоскались нижний фор-марсель и фок, потом начали обвисать другие паруса. Только что ровно дувший ветер внезапно утих. В миле от берега бригантина остановилась. Потеряли ход и корабли испанцев.

До полудня бригантина и фрегаты лежали в дрейфе, ждали, когда задует ветер. Испанцам казалось, что пиратам от них не уйти. С фрегатов видели и неприступный скалистый берег, тянувшийся далеко на север и юг, и непроходимые камни вблизи него. Преследователи также знали, что в бейдевинде идти с обычной своей скоростью бригантина не в состоянии. Они поняли это в первые же часы погони.

Судьбе было угодно сохранить пиратам жизнь и свободу, а их капитану даровать к тому же место в истории.

В полдень на море опустился туман. Пространство, отделявшее бригантину от фрегатов, заволокло густой сизой завесой. Воспользовавшись этим, пираты на шлюпках двинулись к берегу. На буксире они тащили за собой бригантину. Предукты питания, бачонки с пресной водой и корабельные ценности были перегружены в шлюпки.

Джереми решил обмануть испанцев. Он был уверен, что «Блэк дэз» на камнях разобьется. Но там, где не пройдет большой корабль, могут пройти шлюпки. Когда рассеется туман, испанцы увидят останки пиратского корабля и наверняка подумают, что его экипаж погиб. Пираты между тем скроются где-нибудь за скалами.

Против ожидания, в гряде камней оказался проход и для бригантины. Тогда Джереми изменил план. Пираты спрятались за скалами сами и скрыли от глаз испанцев бригантину. На камнях же оставили разбитую шлюпку, клочья старых парусов и прочую судовую мелочь, которая при кораблекрушении должна была всплыть. Для большей убедительности в расщелине одного из подводных камней закрепили верхнюю часть обломанной гот-мачты.

Джереми не ошибся. Его счастливый роджер не подвел команду бригантины и на этот раз. На фрегатах действительно сочли пиратов погибшими. Довольные происшедшим, испанцы повернули назад. Неведомый берег их не заинтересовал, как не заинтересовал он также и испанского мореплавателя Эстебана Гомеса, который, участвуя в экспедиции Магеллана, открыл этот архипелаг еще в 1520 году, то есть семьдесятю годами раньше. Но географического описания островов он не сделал, отметил только их координаты в судовом журнале и назвал Мальвинскими — в честь своей любимой супруги Мальвы.

Джереми Дэвис, однако, оценив выгодное для пиратов стратегическое положение вновь обретенных островов по отношению к «золотоносному» Магелланову проливу, не поленился их детально

описать, нанести на карту и дать им свое название: Фолклендские — Народные, иначе говоря — ничейные. Этим он и утвердил свое место в истории первооткрывателей новых земель.

...Всю вторую половину апреля 1965 года в пятидесятых южных широтах Атлантики бушевали штормы. «Неистовые» пятидесятые оправдывали свое название. Неделю наш корабль шел сквозь ураган. Свирепые волны, обрушиваясь на палубу и надстройки, выбили дверь в рулевой рубке, сорвали с балок две шлюпки правого борта и вообще натворили не разбери что. Нужно было где-то укрыться от бешеного ветра и все приводить в порядок. Капитан принял решение идти к Фолклендским островам.

Подходящую бухту нашли у острова Нью-Айленд. Из двухсот островов Фолклендского архипелага он, пожалуй, самый маленький. Как сказано в лоции, его площадь не превышает сорока квадратных километров. Похожий на кривой ятаган лоскут земли, над которым беспрепятственно гуляют все океанские ветры.

Еще издали я видел в бинокль на берегу бухты беленький домик и несколько хозяйственных построек из досок и гофрированного алюминия. От строений к берегу тянулась узкая дощатая эстакада, подведенная к монолитному пирсу. У причальной стенки стояла небольшая парусно-паровая шхуна.

Моросил дождь, и остров выглядел уныло. За угрюмыми обрывистыми утесами тянулись бурые холмы без единого деревца. По распадам бродили лошади, коровы и овцы. Все прибрежные скалы облепили птицы. Были видны колонии пингвинов, стаи альбатросов, диких гусей и бакланов. На краю одного обрыва среди бесчисленного множества пингвинов стоял, глядя на море, рыжий в белых яблоках бык. На шее у него болтался на цепи обрубок толстого бревна — известное средство против излишней бычьей резвости.

Более чужеродное соседство трудно было себе представить: пингвины и... домашний бык!

Минут через пятнадцать после того, как мы вошли в бухту, шхуна, отвалив от пирса, направилась к нам. У самого нашего борта она круто развернулась и, резко отработав назад, остановилась. Это было старое китобойное судно, построенное, вероятно, в конце прошлого века. Обшитый почерпевшими досками яйцевидный корпус, высоко поднятая резная корма и сдвинутые к бортам два коротких бушприта, позволяющие установить на площадке между ними гарпунную пушку. Позади грот-мачты прямо из палубы вырастала дымоходная труба.

Когда-то такие шхуны строили норвежцы. По своим мореходным качествам и прочности среди китобойных судов они долго считались лучшими в мире. Отважные викинги ходили на них в Антарктику и охотились за китами даже во льдах моря Росса. Шхуны не боялись ни льдов, ни антарктических бурь. Теперь в это верилось с трудом. Нелепый вид подошедшей к нам посудины не

вызывал ничего, кроме смеха. Все столпились у борта, гогоча, глазели на диковину.

На открытом ходовом мостике шхуны за штурвалом стоял длинный пожилой человек в грязном берете, очках и засаленном черном комбинезоне, из-под которого выглядывал на груди воротничок белой рубашки, надетой под вылинявший голубой свитер.

— Я Джек Дэвис, хозяин этого острова! — прокричал человек с шхуны по-английски.

О Джереми Дэвисе я тогда еще не знал и на фамилию этого англичанина не обратил внимания. Меня удивило лишь, что он хозяин острова. Я не подозревал, что на свете существуют частные острова.

Мистер Дэвис спрашивал доктора.

— Срочно нужна помощь, — не выпуская из рук штурвала, кричал он. — Умирает мой сын. Он там, на берегу. — Кивком головы англичанин указал в сторону белого домика.

— А что с ним? — прокричал в ответ доктор.

— Ранен, — сказал англичанин.

— Какой характер ранения? Я врач, объясните подробнее.

— Он потерял много крови. Бритвой ранен.

Потом, когда мы с доктором были уже на шхуне, мистер Дэвис, направляя судно к берегу, взволнованно говорил:

— Дважды в год к нам приходит рефрижератор из Монтевидео, и как-то была шхуна из Порт-Стэнли. Других судов я здесь не видел, вас послал сам бог. Мы были в отчаянье, до ближайшей больницы мне пришлось бы идти четыреста миль. В море сейчас штормы, я не знаю, что было бы с Редмондом. Этот глупый мальчик перерезал себе вены.

— Вены?! — У Залмана Ароновича округлились глаза. — Что же вы не сказали сразу? Скорее назад! Куда же вы гоните? Давайте назад, я должен взять необходимые инструменты. Это совсем другое, я не к тому готовился.

Я пораился докторской прыти. Как только шхуна опять подвернула к борту нашего судна, он взлетел по штурмтрапу в несколько секунд. Это при его-то габаритах: 165 сантиметров роста и 110 килограммов веса!

— Редмонд сделал это в постели, — рассказывал мне Дэвис, пока мы ждали доктора. — В его комнате живет пингвин, он поднял шум: пингвины не терпят запаха крови. Жена пошла узнать, в чем дело. В первом часу ночи вдруг шум. Потом она позвала меня. Ред не давал себя бинтовать. Нам помогла Энни, это моя дочь... Мне семьдесят четыре, я не понимаю молодых людей. Они и сами не понимают, что им нужно.

Я хотел спросить, что все же толкнуло Редмонда на такой шаг, но не решился. Дэвис как-то враз посуровел. Хмуря плоский лоб, достал из кармана кожаный кисет, медленно свернул самокрутку, закурил. Помолчав, сказал еще:

— Раньше ему нравилась говядина на углях. Сегодня я сделал,